

Этот слепой мальчишка из Хуаго целыми днями прятался в кромешной тьме.

У него было до нелепости красивое лицо, но смелости — меньше, чем у кролика.

Ядин уже давно положил глаз на этого слепца.

Эта ушлая и свирепая баба Лив прятала паренька-азита, как какое-то сокровище. В обычные дни она никому не позволяла даже пальцем его тронуть, ожидая, пока на него обратит внимание какой-нибудь знатный господин, чтобы сорвать куш, а заодно расширить свой грязный и масштабный бордельный бизнес на богатый Восточный район.

Вот только она никак не ожидала, что стоило ей заманить этого слепца на Восток, как она сама падет от клинка Ночного Демона.

Ну а теперь... к счастью, эта женщина уже мертва.

Со злорадной ухмылкой думал Ядин.

Цзян Чи от сильного толчка закружилась голова. Он остолбенел на секунду, как вдруг кто-то с силой вцепился ему в подбородок.

У подонков, что целыми днями околачивались по игорным домам и барам и жили грабежами, не было и капли джентльменства Молана. Грубый бандит оставил на белоснежном подбородке юноши багровые следы от пальцев, а в его серо-зеленых глазах плескалась такая густая злоба, что казалось, она вот-вот выплеснется наружу.

— Ну как, хорош тот виконт в постели?

Слепец растерянно уставился на говорившего своими стеклянными глазами, в которых глубина зрачков казалась практически черной. Слепящий белый солнечный свет скользнул по его невидящим очам, высветив в них слабый, похожий на морскую пучину синий оттенок.

Казалось, он еще не понял шутки Ядина: весь он съежился, слегка подрагивая. Тонкие мягкие пряди волос трепетали в такт дыханию — вылитый отбившийся от стаи кролик, окруженный со всех сторон охотниками.

Лицо мужчины почти вплотную приблизилось к щеке Цзян Чи. Звериное, обжигающее дыхание оведало нежную кожу юноши, окрашивая ее в яркий, розовый от румянца цвет.

Словно застенчивая девица, на щеки которой нанесли румяна. Почти невозможно сдерживаемое прерывистое дыхание на мгновение замерло. Цзян Чи воочию наблюдал, как в этих серо-зеленых глазах стремительно вспыхивает отвратительный, липкий, раскаленный

огонек.

Словно истекающая слюной бродячая собака провела длинным ярко-красным языком по его обнаженной шее.

Ему стало неприятно.

Впервые они видятся, а этот человек вызывает куда больше отвращения, чем Молан.

— Что же ты не говоришь?

— Ему удалось доставить тебе удовольствие?

Окружающие разразились насмешливым хохотом. Зеленоватые, голодные волчьи глаза то поднимались, то опускались в толпе, дружно изливая на оказавшегося в центре юношу скрытую, сальную злобу.

— Этот сопливый мажорик вообще способен тебя удовлетворить?

— Если нравится, мог бы прийти ко мне.

— Говорят, этот проклятый богатея — любимый тип добычи для Ночного Демона. Как думаешь, не станет ли он следующим трупом?

Брови Цзян Чи яростно сошлись на переносице.

Эти люди... переходят все границы.

— Да может этот долбоёб отпустить моего мужа?!

— Я сейчас же проломлю экран и спасу жену!

— У этой паршивой псины язык такой поганый, что её надо из собак исключить!

В глубоких, похожих на пучины океана глазах постепенно заблестела влажная пелена, а разноцветные мелкие искры задрожали в отражении воды.

Он приоткрыл рот и тихонько что-то прошептал.

Голос был слишком тихим, и Ядин не расслышал.

Словно зачарованный, он в упор смотрел на густо заресчатые глаза Цзян Чи, чувствуя, как вместе с колыханием мерцающих искр его душа медленно покидает тело.

Розоватые губы приоткрылись, обнажая ряд белоснежных зубов. Этот трусливый маленький слепец неожиданно улыбнулся, и на мгновение у него в уголках губ мелькнул острый клык.

— Я говорю... потому что по сравнению с таким ничтожеством, как ты, он просто великолепен.

Его блестящие губы, словно покрытые блеском, злобно шевелились, извергая самое болезненное для любого мужчины слово — трудно было поверить, что такое способно слететь с этого утонченного и прекрасного лица.

На грубом лице Ядин Хумберта мгновенно отразилось искаженное яростью выражение. Его обожженная солнцем смуглая кожа потемнела от гнева до жуткого багрового оттенка, глаза вылезли из орбит, и казалось, он готов живьем сожрать Цзян Чи.

В потухших и безжизненных глазах слепца промелькнула лукавая улыбка удачливого проказника.

Ядин собирался рывкнуть что-то вроде ты, чертов ублюдок, или дайте этой сучке прочувствовать нашу силу, но стоило ему открыть рот, как все слова превратились в громкое:

— Гав-гав-гав!

Серия звонких собачьих лаев внезапно расколола тишину темного переулка.

Бандиты, следовавшие за Ядин Хумбертом, переглянулись с недоумением и страхом — судя по всему, они никак не могли взять в толк, с каких пор у их главаря вошло в привычку лаять по-собачьи.

Они замаялись и уж точно не могли предположить, что во всем виновен этот хилый слепец, которого можно свалить одним пальцем.

Куда охотнее они поверили бы, что на главнокомандующего внезапно напало бешенство.

Выражение лица Ядин Хумберта можно было назвать ужасающим до безумия. Забыв о руке, державшей Цзян Чи за подбородок, он отчаянно вцепился в собственное горло.

— Кх-кх...

Он хрипел изо всех сил, мышцы гортани сжались, и вся кровь прилила к лицу — он отчаянно пытался заставить этих тупиц прийти ему на помощь.

Но стоило ему попытаться выкрикнуть спасительное «помогите мне», как оно тут же превратилось в комичное:

— Гав-гав-гав!

А перед глазами теперь красовалось то самое премилое личико, которое раньше казалось таким жалким из-за своей робости, а теперь беззастенчиво излучало торжество, вызывающее одновременно бешенство и жгучее раздражение. Парень даже подался ближе к мужчине, и каждый слог, слетевший с его языка, был пропитан легким ароматом белого чая:

— С этого момента...

— Ты — просто пес.

— Каждое твое слово будет превращаться в собачий лай.

Каждое предложение звучало так медленно, паузы между словами были настолько мучительно-сладостными, что сердце замирало, однако на лицах бандитов постепенно проступал суеверный ужас.

— Гав-гав!

Ты притворяешься!

Он изо всех сил сжимал горло, едва не до крови царапая шею, и вытаращенными от злости глазами в упор смотрел на юношу с мягкими чертами лица.

— Гав-гав-гав!

Хватайте его!

Цзян Чи легко улыбнулся, завел руки за спину и неторопливо попятился.

Бандиты, перепуганные внезапными переменами с главарем, бросились к Ядин Хумберту, кубарем катясь по земле, чтобы проверить его состояние. Мужчина бесновался от злости, но из его горла мог вырваться лишь лай безумной собаки.

Он попытался протянуть руку и схватить этого маленького монстра, но сейчас никому не было

дела до Цзян Чи. Подручные плотным кольцом окружили главаря. Цзян Чи стоял за этой непроницаемой стеной тел, поднялся на цыпочки, показал Ядин Хумберту язык, скорчил рожицу и упорхнул прочь, подпрыгивая на ходу.

Ярость, бурлившая в горле Ядин Хумберта, звучала поистине жутко.

В тот же миг, словно откликаясь на звуки из переулка, со всех сторон начали дружно подвывать бродячие собаки. В один миг в беспорядочных трущобах поднялся какофонический, то звенящий, то истошный собачий лай, заодно накликав на себя ругань доведенных до крайности местных жителей.

— Семья, мои глаза мне изменяют? Что только что произошло?

— Жена использовала предмет? Это новинка из магазина предметов???

— Есть ли вероятность, я говорю лишь о вероятности, что жена сама владеет магией? Как ни посмотри, это не то, что под силу обычному человеку, верно?

— Плевать на всё, ха-ха, жена такая милостивая, я тоже хочу быть собачкой жены!

Цзян Чи постоянно чувствовал, что кто-то за ним наблюдает.

Но когда он оборачивался, то видел лишь собственную тень, вытянутую лучами заходящего солнца.

В пустых переулках время от времени раздавался кашель старика, похожий на скрип рассохшихся мехов.

Ворона сидела на покрытом мхом краю стены, склонив набок голову и разглядывая незваного гостя в мрачном переулке.

— Ты только что... применил заклинание? — Система наблюдала со стороны за неожиданным представлением, и в её бесстрастном по определению голосе проскользнула доля изумления.

Цзян Чи прищурился и довольно улыбнулся; будь его лисьи ушки на месте, они бы наверняка торчком поднялись вверх: — Я между прочим самый сильный лис в нашем роду!

Опасаясь, что Система решит, будто он сломал внутриигрового NPC, он поспешил утешить её: — Не переживай, я просто попугал его, через два часа он придёт в норму.

Маленький лис недовольно фыркнул и, скрестив руки на груди, злопамятно заявил: — Кто

просил его ругаться на меня.

Система ничего не ответила и, протянув свою механическую руку, потрепала Цзян Чи по пушистой макушке.

До сегодняшнего дня Ядин Хумберт был печально известным главным злодеем на этой Уд-стрит.

Но на этом всё и закончилось.

История о том, как он сошел с ума и лаял по-собачьи, уже облетела весь Западный район, и каждый неудачник, которого он когда-то избил или у которого отобрал деньги, теперь набирался смелости, чтобы прийти к нему и посмеяться над ним.

Ядин не мог вымолвить ни слова, разъяренный здоровяк лишь тяжело хрипел и издавал собачий лай «гав-гав», отчего становился еще больше похож на бессильно бенующуюся сумасшедшую собаку.

Ядин был готов перебить всех этих глупых, болтливых и противных ублюдков!

Даже когда мимо проходил грязный ребенок, ему чудилось, будто тот смеется над ним про себя.

Он непременно заставит этого азиатского сопляка пожалеть о том, что тот посмел так сыграть с ним!

Ядин Хумберт тащил бутылку темного пива, а в его мутных серо-зеленых глазниках смешивались багровые от злоупотребления алкоголем прожилки. Шатаясь, он зашагал в сторону относительно тихой кухни Бара «Красный дрозд».

Цзян Чи жил именно там.

В небольшой каморке, сколоченной из досок.

Тоскливый лунный свет пробивался сквозь похожие на вуаль облака, вырисовывая за спиной мужчины жуткую исполинскую тень.

Звонкий девичий голосок доносился до ушей мужчины сквозь ночной ветер.

— Шалтай-Болтай сидел на стене. Шалтай-Болтай свалился во сне. Вся королевская конь и вся королевская рать не могут Шалтая обратно собрать.

— Шалтай-Болтай сидел на стене. Шалтай-Болтай свалился во сне. Вся королевская конь и вся королевская рать не могут Шалтая обратно собрать.

Это была самая детская из всех детских песен.

Девочка неустанно пела её, и сладкая, подобная пению жаворонка песнь плыла по ветру, оседая возле самого уха.

Леденящее дыхание взъерошило растрепанные волосы мужчины.

Высокий мужчина остановился, разразился скверной бранью и обернулся, чтобы посмотреть, какой ублюдок осмелился навлечь на него беду.

В узком переулке не было огней, лишь безмятежная мертвенно-бледная луна безмолвно висела в небе.

Песня, казалось, уплыла вдаль вместе с ветром.

Мужчина без всякой на то причины с облегчением выдохнул.

Затем он захотел продолжить путь к жилищу этого паршивца.

Он повернул голову и чуть не столкнулся с маленькой девочкой в белом платье.

Хрупкая, похожая на фарфоровую куклу малышка с длинными золотистыми кудрями прижимала к себе плюшевого мишку с оторванной пуговичкой-глазом и с бесстрастным выражением лица уставилась на мужчину, который был намного выше её.

— Братик, глазик Джексона потерялся.

— Ты не видел его глазик?

Те прекрасные голубые глаза, похожие на шарики из стекла, немигающе смотрели на лицо Ядина Хумберта.

Мужчина встретился с ней взглядом, и в его сердце сам собой заротился странный холодок.

Он изо всех сил пытался прогнать мысль о том, что может бояться ребенка ростом ему по колено.

— Проваливай, вонючий сопляк!

Он грубо оттолкнул преградившую путь девочку, и тряпичный медведь по имени Джексон безвольно упал на землю.

Девочка ухватила одноглазого мишку за лапу, её бездушные глаза по-прежнему были прикованы к пьяному мужчине.

— Шалтай-Болтай сидел на стене. Шалтай-Болтай свалился во сне. Вся королевская коня и вся королевская рать не могут Шалтая обратно собрать.

Она затянула детскую песенку еще громче.

Звонкий, ребяческий голосок звучал словно подвешенные посреди ночи у дверного проема ветряные колокольчики, снова и снова крутясь в голове мужчины.

Шум ветра стих неизвестно в какой момент.

Исчез даже лунный свет.

Украшенное кружевами платье девочки покачивалось в безветренном воздухе.

Наконец она замолкла.

Безмолвно наблюдая, как мужчина шагает в не имеющую дна бездну.

Ядин Хумберт помнил, что должен был что-то сделать.

Но внезапно забыл об этом.

Куда же он направлялся?

Дорога перед ним словно указывала ему путь.

Он не знал, куда идти, и не видел на заполненных тьмой улицах никакого другого выхода.

Он мог лишь брести на зов серого тусклого света.

В ушах слышалось ржание лошадей.

Он тупо поднял свои мутные глаза.

Тяжелая бутылка упала на землю, и из нее заструилась мутно-желтая жидкость.

Это... конюшня.

Крепкие скакуны, за которыми тщательно ухаживал конюх, почему-то казались крайне взволнованными; их багровые глаза резко сделали круг, а затем уставились в упор на незваного гостя.

Мускулистые копыта взметнулись высоко вверх и со злобы обрушились на мужчину.

Как я... оказался здесь?

В тот самый миг, когда рассудок Ядина Хумберта прояснился, он повернул голову и увидел стоявшего у входа в конюшню облаченного в черные одежды джентльмена.

Тот купался в лунном свете, его воронные ресницы были подернуты тончайшим слоем морозной белой изморози, а губы трогала ледяная усмешка.

— Пожалуй, вам стоит хорошенько усвоить, как следует разговаривать вежливо.

Последними двумя словами, оставленными Ядином Хумбертом в этом мире, были: Ночной Демон.

<http://bllate.org/book/20566/2055037>